

- [12] Федоров Ю. А., Гарькуша Д. Н., Трофимов М. Е. Метан городских агломераций и его вклад в общую эмиссию (на примере Ростовской области) // Труды 3-й Междунар. конф. «Экологические и гидрометеорологические проблемы больших городов и промышленных зон». СПб.: Изд-во РГГМУ, 2005. С. 51—52.
- [13] Bartlett K. B., Crill P. M., Sass R. L., Harriss R. C., Dise N. B. Methane emissions from tundra environments in the Yukon-Kuskokwim Delta Alaska // J. Geophys. Res. D. 1992. Vol. 97. N 15. P. 16 645—16 660.
- [14] Bridges E. M., Batjes N. H. Soil gaseous emission and global climatic change // J. Geography. 1996. Vol. 81 (2). P. 155—169.
- [15] Fan S. M., Wofsy S. C., Bakwin P. S., Jacob D. J., Anderson S. M., Kebabian P. L., McManus J. B., Kolb C. E. Micrometeorological measurements of CH₄ and CO₂ exchange between the atmosphere and subarctic tundra // J. Geophys. Res. D. 1992. Vol. 97. N 15. P. 16 627—16 643.
- [16] Matthews E. *Wetlands*. Atmospheric methane: sources, sinks and in global change / Ed. Khalil M. A. K. Berlin: Springer, 1993. Series I. Chapter 15. P. 315—361.
- [17] Wang Z., Zeng D., Patrick W. H. Methane emissions from natural wetlands. *Env. Monitor. and Asses*, 1996. Vol. 42. P. 143—161.

Ростов-на-Дону

Поступило в редакцию
22 апреля 2008 г.

Изв. РГО. 2008. Т. 140. Вып. 5

© Д. М. АБДУЛХАМИДОВ

СРЕДНИЙ КАСПИЙ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС В УСЛОВИЯХ АКТИВИЗАЦИИ РЕСУРСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В последние десятилетия в географических исследованиях определилось особое, эколого-географическое направление, предметом которого служит изучение географической среды с экологической точки зрения в целях решения экологических проблем. «В задачи эколого-географических исследований входят оценка природного экологического потенциала геосистем, изучение антропогенных воздействий и их экологических последствий, анализ современного экологического состояния геосистем, их устойчивости к антропогенным нагрузкам, прогноз возможных дальнейших изменений. Результаты таких исследований должны дать научную базу для определения экологической емкости геосистем, обоснования допустимых антропогенных нагрузок, различных экологических нормативов» ([⁵], с. 5).

К сожалению, эколого-ландшафтное направление в исследовании Мирового океана получило развитие лишь в последние годы. Тем не менее уже сегодня активно исследуются основы управления морскими экосистемами на основе эколого-географической паспортизации и экспертизы (Б. В. Преображенский и др., 2000), экосистемы ландшафтов морских мелководий (Н. Н. Митина, 2003, 2005, 2006); сделана «заявка» на новое научное направление на границе экологии и географии — «ландшафтную биономию» (К. М. Петров, 1999, 2004) и т. д.

Из многочисленных российских морских акваторий Каспийское море изучено отечественными учеными (в том числе в последние годы: [^{1—4, 6, 7}]), пожалуй, наиболее обстоятельно и глубоко, что объясняется традиционно широким и многоаспектным интересом к этому уникальному водоему. Достаточно указать на колоссальный объем исходной информации, хранящийся в фондах нескольких научно-исследовательских институтов, занимающихся изучением проблем Каспия, в организациях Росгидромета, сельскохозяйственной и санитарно-эпидемической службы, в архивах различных экспедиций и т. д. В качестве примеров можно привести фундаментальные отчеты КаспНИРХ по оценке состояния рыбных ресурсов и биологического разнообразия Каспия (начиная с 90-х гг.); многочисленные материалы, выполненные российскими

авторами в конце XX в. в рамках Международного проекта «Каспийская экологическая программа» (КЭП); серию сборников «Геоэкология Прикаспия», принадлежащих перу географов МГУ под руководством Н. С. Касимова, и т. д.

Однако продолжающаяся высокая напряженность экологической ситуации на Каспии, чрезвычайно опасное изменение ландшафтного и биологического разнообразия позволяют сделать вывод о том, что усилия не только властей, но и ученых-экологов по выработке и реализации природоохранных мер в конкретных прибрежных регионах и акваториях водоема пока не отличаются высокой эффективностью. С каждым годом происходит ухудшение не только аквальных, но и прибрежных экосистем. Основные факторы экологической нестабильности в пределах Каспийского региона известны. Это:

- высокая природная динамика изменения местных ландшафтов и экосистем вследствие колебаний уровня Каспия, господствующих течений и т. д.;

- непрекращающееся загрязнение моря нефтепродуктами, аварийные и «обычные» преступные сбросы при судоходстве, загрязнения в процессе освоения каспийских месторождений углеводородов;

- поступление загрязняющих веществ с речным стоком, со сточными водами прибрежных предприятий и населенных пунктов;

- деградация и истощение промысловой ихтиофауны, обусловленные ухудшением экологической ситуации, распространением криминального промысла, а также непросчитанными последствиями интродукций (кефалей, червя нереис) и стихийным вселением чужеродных видов (гребневик мнемнопсис (*Mnemiopsis leidyi*) и др.);

- смыв загрязняющих веществ с побережья при ветровых нагонах, химическое загрязнение и дефляция почв прибрежных регионов, вторичное засоление, деградация естественных кормовых угодий;

- отсутствие элементарных очистных сооружений и современной базы по утилизации, обезвреживанию и захоронению отходов в прибрежных субъектах Федерации и т. д. и т. п.

Серьезное препятствие в разрешении или по крайней мере «смягчении» острейших проблем Каспия видится в их искусственной дифференциации на политические, экономические, экологические; двухсторонние, трехсторонние и многосторонние; текущие и будущие; главные и второстепенные; биологические и минеральные; прибрежные, морские и бассейновые; секторальные и кондоминатные; водные, донные и воздушные и т. д. и т. п. Каспий с прилегающими ландшафтами представляет собой единую гео- и экосистему, поэтому складывающаяся здесь экологическая обстановка требует интенсификации усилий представителей различных отраслей научного знания, в том числе географии, геоэкологии и экологической географии для всестороннего, комплексного анализа создавшейся ситуации с выделением различных пространственных уровней исследования. При этом наиболее полное представление о Каспийской гео- и экосистеме можно получить лишь с учетом анализа обмена веществом и энергией между всеми без исключения компонентами природы, ресурсной деятельности человека, взаимосвязей и взаимозависимостей геолого-структурной, литолого-фациальной, гидрологической, геохимической и биотической сред.

Выбранный нами пространственный уровень исследования (Средний Каспий) обусловлен, во-первых, слишком высокой ответственностью комплексного анализа всего водоема и его побережий; во-вторых, наличием фундаментальных работ, посвященных анализу Каспийской экосистемы и выполненным авторскими коллективами, и, в-третьих, многолетней исследовательской работой автора в пределах Среднего Каспия (в частности, его дагестанского побережья). Мы попытались привлечь внимание к новым фактам, подтверждающим наличие реальной (а не «приближающейся» или «кажущейся») экологической катастрофы на Каспии, проанализировать пространственно-временные связи в системе «человек—экосистемы Среднего Каспия» и установить наиболее опасные тенденции неблагоприятных антропогенных изменений прежде всего с точки зрения состояния промысловой ихтиофауны.

Известно, что рыбные ресурсы «целостного» Каспия сосредоточены в его северной части, в пределах которой до недавнего времени улов составлял не менее 80 % всего «общекаспийского» улова рыбы. Уже поэтому границы рассматриваемого Среднего Каспия во многом носят условный характер и в принципе могут быть оспорены с физико-географических, ландшафтных позиций. Однако с эколого-географических позиций, а также с учетом административных и политико-географических рубежей (акватория Каспийского моря протяженностью по побережью около 500 км от границы Азербайджана на юге до р. Кумы на севере, т. е. Среднего Каспия, находящегося в «зоне» экономических интересов Республики Дагестан, которая в свою очередь отличается наивысшей плотностью населения из всех прикаспийских субъектов РФ) выбор географического таксона «Средний Каспий» представляется все же обоснованным.

Существует немало физико-географических параметров, с помощью которых идентифицируется Средний Каспий. Так, средняя годовая температура поверхностного слоя Среднего Каспия 13—14 °С, Северного — 11—12, а Средний и Южный Каспий в среднегодовом температурном отношении обычно разделяются изотермой 15 °С (которая проходит в районе Апшеронского порога). В геоморфологическом отношении Средний Каспий, заложенный на стыке Туранской эпигермальной платформы и Кавказского сегмента Альпийско-Гималайской орогенной зоны, выделяется Дербентской впадиной (максимальная глубина 788 м), окруженной шельфовыми аккумулятивными с платформенными основаниями равнинами. На широте Махачкалы, восточнее, прослеживаются древняя дельта Волги и русла ее притоков. Вдоль западного побережья Среднего Каспия прослеживается обширная слабонаклоненная и слаборасчлененная, местами террасированная Самур-Дивичинская равнина и т. д.

Изменения, происшедшие в последние годы в экологической обстановке Среднего Каспия, в том числе в составе морской фауны, поистине трагичны. «Ежедневно на дагестанское побережье самого большого в мире озера выбрасываются около сотни тюленей, — с горечью отмечает М. Фатуллаев, — Печальное зрелище: единственное на Каспии морское млекопитающее теперь напоминает бездомную дворняжку — на измученном животном словно оскалились ребра с обвисшей кожей. За последние два года на российском секторе Каспия уже погибли более 30 тыс. из менее 270 тыс. особей обитающих в нем млекопитающих. А ведь еще десяток лет назад уникальных животных было в четыре раза больше — свыше миллиона» [9]. Эта цитата датируется 2001 г., когда была отмечена также масштабная гибель двух видов килек — анчоусовидной и большеглазой, ареал обитания которых охватывает акваторию открытых частей Среднего и Южного Каспия в зоне глубин от 40 до 200 м и находится на значительном удалении от очагов интенсивного антропогенного загрязнения моря. Наиболее крупные очаги гибели килек оказались расположенными в Среднем Каспии, особенно вдоль восточного его побережья, с максимумом скопления погибшей рыбы в районе м. Ракушечный.

Не только оригинальную, но и хорошо аргументированную точку зрения на причины массовой гибели килек (и, видимо, тюленей) изложили Б. Н. Голубов и Д. Н. Катунин [2], полагающие, что в данном случае речь идет о гидровулканизме и залповых прорывах газовых струй из недр — о явлении, весьма типичном для новейшей тектонической впадины Каспийского моря, особенно его южной котловины. «В последние годы, — отмечают авторы, — геодинамическая нестабильность впадины Каспийского моря и ее водно-газовых систем стала приобретать аномальный, особо интенсивный характер. Столь грандиозные масштабы проявления этой нестабильности на Среднем Каспии, пожалуй, впервые зафиксированы весной прошлого (2001 г. — Д. А.) года. Этот импульс нестабильности, вероятно, и послужил одной из важнейших причин прорыва пластовых вод и газовых струй в толщу морской воды, резкого охлаждения морских вод за счет эффекта дросселирования огромных объемов поступающего из недр газа в сверхфоновых концентрациях, заражения вод токсичным сероводородом и метаном (возможно, в сочетании с примесями мышьяка и других тяжелых металлов) и как результат массовой гибели или существенного ослабления жизненных сил кильки» ([2], с. 33).

Несмотря на то обстоятельство, что позиция авторов идет как бы «вразрез» с нашими выводами о критической экологической ситуации на Среднем Каспии в связи с активизацией ресурсной деятельности человека, она отличается убедительной доказательной базой. Во-первых, комплексные исследования погибшей рыбы, а также среды ее обитания показали, что в органах килек, в том числе в их жабрах и мышцах, содержались газообразные включения, в то время как микробиоальных или паразитарных заболеваний среди погибшей рыбы не было выявлено. Во-вторых, водные массы в местах гибели рыбы также содержали повышенные концентрации соответствующих газов. В-третьих, авторы осуществили подробный анализ карт топографии поверхности температуры моря, полученной с помощью космических снимков, в результате чего были получены надежные сведения о том, что именно в начале апреля 2001 г. к северо-востоку от Апшеронского полуострова имело место крупномасштабное движение вод, вызвавшее подъем глубинных вод в поверхностные слои. Наконец, в-четвертых, прибрежная популяция кильки обыкновенной практически не гибла, что косвенно подтверждает точку зрения авторов. «В целом указанные особенности поведения вод Среднего Каспия и обстоятельства гибели кильки, — отмечают они, — представляются весьма необычными и не находят своего удовлетворительного объяснения в изменчивости лишь экзогенных факторов» ([2], с. 32).

Таким образом, соображения авторов о влиянии особенностей геодинамики и флюидодинамики новейшей тектонической впадины Каспийского моря на его экологию следует признать убедительными. Однако мы полагаем, что нестабильность водно-газовых систем, развитых в недрах под дном Каспия, «наложилась» на уже имеющиеся загрязнения экзогенного характера, поскольку массовую гибель бычков, кефали, кильки (запасы последней уменьшились как минимум вполовину) специалисты отмечают практически ежегодно. Важно отметить и то обстоятельство, что сами авторы импульс гидровулканизма и дегазации недр Дербентской впадины определяют лишь как «возможный фактор» массовой гибели рыбы в Каспийском море весной 2001 г.

Проводимые экспертизы показывают, что в организмах погибшей фауны обычно содержатся повышенные концентрации тяжелых металлов и нефтепродуктов. По сведениям из независимых источников еще несколько лет тому назад одна РФ сбрасывала в Каспий до 400 тыс. т неочищенной нефти ежегодно, а на побережье Казахстана имеется порядка 300 открытых «нефеточащих» скважин, причем 150—200 из них уже затоплены (там же). Свою лепту в чудовищное загрязнение Каспия нефтепродуктами вносят и другие страны, прежде всего Азербайджан и Казахстан. (До сих пор не вполне ясны масштабы катастрофы в 2005 г. парома с 15 железнодорожными вагонами-цистернами с нефтью, принадлежащими канадской компании «Харрикейн хайдрокарбонс»). Сваливая вину за происшедшее друга на друга, а также на канадскую сторону, азербайджанские и казахстанские власти по-прежнему отказываются от незамедлительного подъема затонувшего парома и обезвреживания угрозы гигантского нефтяного загрязнения водоема).

Другие объяснения гибели морской фауны, по нашему мнению, отражают позиции либо государственных структур, призванных приуменьшить вину соответствующих властей и правительств, либо недостаточно компетентных экспертных организаций. Так, несмотря на серьезную опасность появления на Каспии гребневика — *мнеопсиса*, поедающего планктон и уничтожающего кормовую базу кильки, возлагать на него всю вину за трагичную экологическую ситуацию было бы ошибочно. Подобной несерьезностью отличается и позиция Дагестанской природоохранной службы (ДПСС), которая главную причину массовой гибели тюленей видит в браконьерах, в севрьюжках и частичковых сетях которых тюлени либо погибают, либо обессиливают. В соответствии с еще одной малоубедительной версией изменение балансообразования и расхода органических веществ на Каспии связано с определенным повышением температуры и образованием сероводорода, повлиявшем на массовое отравление ихтиофауны.

Совершенно очевидно, что острота проблемы нефтяного загрязнения Каспия связана напрямую с расширением масштабов морской нефтедобычи, особенно в восточ-

ной части Среднего Каспия. Если признать прогноз о том, что в бассейне моря сосредоточены третьи по значимости запасы нефти (после бассейна Персидского залива и Сибири), «слишком оптимистичным», то даже в этом случае обнаруженные и доказанные запасы не оставляют сомнений в том, что Каспий постепенно превращается в один из главных нефтедобывающих регионов мира. Подтверждением этому является хотя бы тот факт, что в разработку нефтяных месторождений Каспия на рубеже XX—XXI вв. вложено не менее 70 млрд долл. многими странами и компаниями («Бритиш петролеум», «Лукойл», «Амоко», «Пензойл», «Юнокал», «Эксон», «Статойл», «Иточу», «Рэмко», «Дельта Ойл» и др.).

В то же время низкий уровень техники эксплуатации месторождений, отсутствие эффективных решений и средств локализации разливов нефти при довольно частых авариях на эксплуатирующихся морских нефтескважинах и при разведочном бурении, постоянные трудности, возникающие при разгрузке резервуаров нефти на нефтепромыслах в штормовую погоду, ведут к поступлению в море огромного, трудно поддающегося точному учету количества нефти. Реальную угрозу Каспийскому бассейну представляет транспортировка углеводородов с помощью однокорпусных танкеров. Подобные суда, как правило, не отличаются большой грузоподъемностью, однако в случае аварии на одном танкере в воду могут попасть 5—7 тыс. т нефтепродуктов, что явилось бы очень крупной экологической катастрофой. (Кстати, эксплуатация однокорпусных танкеров в Западной Европе и Северной Америке давно запрещена!).

По мнению одного из наиболее авторитетных специалистов в области экологической физиологии и биохимии промысловой ихтиофауны Каспия В. Лукьяненко, «ежегодно в Каспий поступает свыше миллиона тонн нефти из различных источников. В результате нефтяная пленка покрывает огромные площади поверхности моря. В Южном и Среднем Каспии можно встретить огромные кочующие „нефтяные поля” площадью до 800 км², в которых невозможно вести добычу рыбы, в частности кильки. Интенсивное загрязнение Каспийского моря нефтью и нефтепродуктами привело к резкому ухудшению условий обитания, нагула и миграций различных по экологии групп рыб и прежде всего самых ценных среди них — осетровых» [8].

Сегодня на Среднем Каспии все еще отсутствует современная международная автоматизированная система наблюдений и контроля за качеством воды, а существующая система мониторинга морально и физически устарела и не отвечает современным требованиям обеспечения экологической безопасности моря в отношении загрязнения нефтепродуктами. Однако создание такой системы выявления и оповещения специализированных служб каспийских стран о загрязнении нефтепродуктами (не только Среднего Каспия, но и всей акватории моря) — это еще не все. Эффективность такой автоматизированной системы для раннего обнаружения аварийных разливов и принятие адекватных мер по экстренному устранению нефтеразливов может быть обеспечена только при условии учета эколого-географических особенностей водоема, влияющих на характер нефтеразливов, функционирование системы их оперативного обнаружения и т. д.

В связи с повышением уровня Каспия в населяющем его животном мире происходят существенные изменения, ухудшаются условия существования соленолобной фауны и, наоборот, улучшаются условия обитания преснолюбивых форм (хотя это обстоятельство не в состоянии приостановить деградацию стада осетровых). Особое значение приобретают проводящиеся в течение многих лет работы по акклиматизации ценных рыб и по увеличению кормовой базы. Одновременно огромный ущерб рыбному промыслу на Каспии наносит достигшее невиданных масштабов — масштабов национального бедствия — браконьерство.

Несмотря на категорический запрет промышленного лова осетровых, еще несколько лет тому назад в Москву из Дагестана ежегодно отправлялось почти 4 тыс. т браконьерской осетрины и немалое количество черной икры; десятки тонн черной икры отправлялись также в Саудовскую Аравию и Турцию. В самом Дагестане до последнего времени действовало не менее 40 независимых друг от друга «фирм», специализирующихся на лове осетровых и добыче икры у незамерзающего дагестанского побе-

режья (особенно на Кизлярщине, Тарумовке и у г. Избербаша) и доставке продукции на московский и зарубежные рынки [9].

Есть много оснований утверждать, что процесс реформирования на федеральном уровне рыбоохранных структур и жесткого контроля за их деятельностью «разбивается» о «спящую» круговой порукой рыбную мафию, имеющую высоких покровителей не только среди властей Дагестана, но и федеральных структур МВД и пограничников (кстати, обвиняющих друг друга в «крышевании» браконьеров). Наиболее трезво мыслящие политики и экологи полагают, что промысел осетровых давно уже должен быть передан исключительно в руки государства (как это давно сделано в соседнем Иране, где осетровое хозяйство — госмонополия).

На протяжении последних двух десятилетий экосистема Среднего Каспия испытывает сильнейший «антропогенный стресс», связанный с интенсивной хозяйственно-ресурсной деятельностью как в акватории, так и на водосборных территориях Дагестана и Казахстана. При этом в связи с экономическим спадом долгие годы прослеживалась тенденция снижения уровня загрязнения среды и биоты тяжелыми металлами, пестицидами при резком увеличении уровня загрязнения углеводородами, бытовым мусором и т. д. Особую озабоченность вызывает загрязнение нефтепродуктами р. Терек и ее взморья, где среднегодовая их концентрация превышает ПДК в 6—7 раз. Для специалистов ясно, что это следствие деятельности «подпольных мини-заводов» по перегонке нефти в Республике Чечня.

В комплексе антропогенных факторов один из решающих в изменении продукционно-деструкционных процессов — биогенный органический сток, вызывающий массовое развитие фитопланктона. В этом отношении Средний Каспий уступает «лидерство» мелководному Северному Каспию, объем водной массы которого не превышает 400 км³, что примерно в 200 раз меньше, чем объем воды всего Каспия. (Не случайно обширные акватории западного шельфа Северного Каспия характеризуются постоянным „цветением” фитопланктона и высокой численностью микрофлоры. Более 80 % площади Северного Каспия подвержено антропогенному эвтрофированию, и зона гипоксии занимает тысячи квадратных километров» ([3], с. 262). Однако в последние годы «цветением» охвачены и многие прибрежные воды Среднего Каспия (в том числе в восточной части моря), что связано с поступлением сюда сточных вод из Махачкалы, Кизляра, Актау, Бекдаша и др. Обогащение воды и донных отложений органикой также негативно отражается на состоянии промысловой ихтиофауны Среднего Каспия. В целом чрезмерное развитие фито- и бактериопланктона становится новым, экологически чрезвычайно опасным фактором в изменении кислородного режима моря.

Итак, можно констатировать, что и Средний Каспий, и весь Каспийский регион (включая побережья) переживают серьезные испытания, отражающие не столько вековые колебания уровня моря и изменения климата, сколько всю историю экстенсивного экономического развития постсоветских республик, а также нынешнюю стадию развития «дикого капитализма». Разрушение прибрежных ландшафтов и инфраструктур, вызванное современными изменениями уровня моря, хотя и привело к дополнительному загрязнению водной среды, но не оно определяет глубину нынешнего экологического кризиса каспийских акваторий. Главная опасность для каспийских экосистем таится в набирающей темпы нефтедобыче прикаспийских государств, не располагающих современными технологиями, позволяющими при морском бурении соблюдать все экологические нормативы. Возлагаемые надежды на «экологическую культуру» западных компаний несостоятельны, поскольку, во-первых, практически всегда речь идет о смешанном капитале, а, во-вторых, каспийские акватории, как известно, не «омывают» берега западных инвесторов.

Список литературы

- [1] Анализ экологического состояния Среднего Каспия и проблемы воспроизводства рыб. М.: Наука, 2003. 424 с.
- [2] Голубов Б. Н., Катунин Д. Н. Импульс гидровулканизма и дегазации недр Дербентской котловины как возможный фактор массовой гибели рыбы в Каспийском море весной 2001 г. // Материалы Междунар. конф. памяти академика П. Н. Кропоткина, 20—24 мая 2002 г. Москва. М.: ГЕОС, 2002. С. 31—33.
- [3] Динамика и взаимодействие атмосферы и гидросферы. Сер. география, общество, окружающая среда. Том VI. М.: Изд. дом «Городец», 2004. 591 с.
- [4] Иванов В. П. Биологические ресурсы Каспийского моря. Астрахань: КаспИРХ, 2000. 97 с.
- [5] Исаченко А. Г. Экологическая география России. Изд-во СПбГУ, 2001. 192 с.
- [6] Панин Г. Н., Мамедов Р. М., Митрофанов И. В. Современное состояние Каспийского моря. Институт водных проблем РАН. М.: Наука, 2005. 356 с.
- [7] Современное состояние и факторы, определяющие биологическое и ландшафтное разнообразие Волжско-Каспийского региона России. М.: Наука, 2002. 414 с.
- [8] Соловьев Е. Нефтедобыча погубит русского осетра // Независимая газета. 16 окт. 2001.
- [9] Фаткуллаев М. Кто и как убивает Каспий: экологическая катастрофа на Юге России // Независимая газета. 4 сент. 2001.

Поступило в редакцию
15 апреля 2008 г.

Изв. РГО. 2008. Т. 140. Вып. 5

© М. А. КЛУПТ

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАЦИЙ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Исследование миграций и стратегическое территориальное планирование в настоящее время представляют собой две автономные области, зоне пересечения которых не уделяется достаточного внимания. Демографы, сосредоточившись на описании миграционных процессов и объяснении их движущих сил, обычно полагают, что разработка механизмов регулирования миграций, в том числе и на региональном уровне, — задача представителей других научных специальностей. Для последних, однако, миграционные процессы обычно оказываются периферийной областью, не входящей в ядро их научных интересов. В результате научная мысль замыкается в круге устоявшихся академических проблем, а практика не получает рекомендаций о том, что делать в непривычной и вызывающей все большее беспокойство ситуации. Это в свою очередь усиливает опасность ошибочных управленческих решений.

Создавшееся положение требует более активной научной проработки проблематики, находящейся на стыке демографии, экономической и социальной географии, региональной экономики и стратегического территориального планирования. В частности, нуждаются в более глубоком рассмотрении вопросы разработки региональных миграционных стратегий. Одному из таких вопросов — стратегии регулирования международных трудовых миграций на региональном уровне — и посвящена данная статья.

Региональные различия в использовании иностранной рабочей силы. С началом экономического подъема международные миграции превратились в один из основных источников восполнения дефицита трудовых ресурсов в ряде регионов России. Существуют лишь весьма приближенные оценки численности иностранных мигрантов в России. В 2008 г. между субъектами Российской Федерации было распределено 1279.7 тыс. разрешений на временную трудовую деятельность иностранцев, еще 548.5 тыс. разрешений оставлено в резерве [6]. По оценкам Федеральной миграционной службы, в 2007 г. численность нелегальных мигрантов на территории России